

Почти весь мир

Подростковая повесть о счастье

1.

Она вкушала сладкую осень, как торт, смакуя каждый кусочек. Оглядывалась, с замиранием наблюдала за каждым пролетающим листом, вглядывалась в это расплавленное жидкое золото, которое шевелилось от ветерка и игриво мчалось к её ногам. Смеялась.

Скамейка, на которой сидела девушка, была тёплой, нагретой от солнца, железные поручни, на которых ночью кружил и играл дождь, почти не пахли им. От него ничего не осталось. Листья высохла. Луж почти нет. А настроение – оно у неё всегда было удивительно радостным. Абсолютно всегда – наверное, при любых обстоятельствах.

Она, эта самая улыбчивая девушка, девушка с золотыми кудряшками и большими шоколадными глазами, она, та самая, что звалась Тарьей Тарен, с радостным возбуждением смотрела в открытое небо. Сегодня оно выдалось настолько высоким, безоблачным и прозрачным, что на какое-то мгновение могло показаться нереальным, нарисованным акварелью и размазанным каплей воды.

В этом хрустальном небе кружились птицы, звонко и радостно говорили что-то себе лишь понятное, изредка садились на ветки, несколько раз кружились невдалеке от девочки. Одна из них, самая смелая, даже прыгнула на скамейку и, быстро перебирая лапками, побежала по горячей доске, должно быть, хотела клюнуть кусочек выпечки, которая так и выглядывала из сумки, и звала к себе ароматом.

Тарья, кажется, совсем позабыла о ней, вспоминала сегодняшний день, учёбу, обдумывала новые знания. Она не слышала холодного ветра, который щекотал погруженные в тень ноги. Не слышала и измученных стонов одноклассниц, которые находились на отдалении, но слова их были вполне слышны.

Подружки, такие же одиннадцатиклассницы, как она, были с головой увлечены лишь мальчишками и последними штрихами моды. Они, вздыхая, томно смотрели на проходящих мимо парней и жаловались друг другу на свои «половинки», рассказывая про «проблемы» их неудавшихся отношений.

Тарья ненавидела рассказы подобной тематики. Когда слышала, специально надевала наушники и включала музыку громче, или даже без музыки, просто закрывая уши от слов, делая любовные страсти неслышными. Не потому, что сама была несчастна и одинока, а оттого, что считала подобное напрасной тратой времени, ума и сердца. Напрасной и наивной игрой, тем более, что это всё – игры. Игры в прямом смысле слова. Девчонки её возраста влюблялись по пять раз на год и каждый раз «страдали» и отдавались другому «навек». Разумеется, находились те, кто даже не мог сосчитать скольких он раз «любил». Но зачем любить так? Зачем ранить чужие души? Если любить – то навек. По-настоящему навек. К сожалению, это не в моде. И Тарье было банально скучно слушать такие слова.

- Ну вот опять... - показывая наигранные слёзы, кричала почти на весь парк София. – Опять бросил!

- Как именно? – блондинка, стоящая напротив, заглядывала прямо в глаза. – Расскажи.

- Нет даже желания! – София демонстративно отвернулась и сложила на пышной груди руки. – Он... Ты на самом деле хочешь услышать, что натворил он?

- И что же?

Тарья, сидящая на скамейке, не могла не слышать этой «игры», так как девочки-одноклассницы уже поравнялись с ней и были в паре шагов, да и ветер принёс бы слова своим первым крылатым порывом.

- Он смотрел на другую! Он точно сравнивал её формы с моими!

- Да у тебя прекрасные формы! – начала подбадривать Софию блондинку. – Ты, кажется, грудь увеличила?

- Этим летом. И губы. Специально для него. Не видишь, что ли?

Похотливый и в данный момент ненаигранный взгляд смерил своих подружек.

- Да пусть только найдёт такую!..

Создавалось впечатление, что молодежь оценивала любовь только формами, размерами и объемами. Это было ужасно слышать тому, кто придерживался противоположных воззрений и в тайне от самого себя ждал рыцаря на белом коне, именно рыцаря. И знал, что сейчас таких нет.

И Тарья демонстративно закрывала уши руками, отворачиваясь, точно ища что-то в своём рюкзаке. Она вспомнила про булочку и, увидев чирикающего птенчика, отломилась кусочек, который был мягким и рассыпался сразу в руках. Затем взяла тетрадь, вытащила ручку и стала что-то писать. Тут, на воздухе, на *таком* воздухе, как сегодня, можно было бы и уроки сделать и перекусить, и просто насладиться мгновением. Так нет же, подружки испортили всё. Их неудовлетворённые романтические желания вызывали лишь отвращение, непонимание и, если честно, смех.

«Как будто в их возрасте нет больше других увлечений? И как вроде бы, хвастая очередной страстной ночью, ты станешь хоть чем-то лучше или умнее других?»

К сожалению, Тарье было неизвестно, правду ли говорят подружки. Так ли они любят заниматься любовными похождениями, пьют ли они, когда говорят о последних винных новинках, гуляют ли ночами напролёт, расхваливая новый клуб? Кто знает? Не всё то, что говорят подростки правда, во всяком случае хочется на это надеяться. Горько принять тот факт, что ты слишком не такой, как все, а остальные слишком испорчены; приходилось выдумывать, всё ведь возможно? Все разные.

Она, как и всегда прежде, просто никого не слушала, думала о чём-то своём и не принимала подобные разговоры близко. Это было не её и не самое важное. И так жила она. И не раз делала уроки на свежем воздухе, ведь дома её ждала семья, которая подчас также мучила любовными разговорами.

2.

Снова солнечные лучи пробивались в комнату и будили каждого, кто в ней находился. Впрочем, Тарья не спала – одеяло без конца сползало на пол, и холодные ноги портили и без того хрупкий сон. Она несколько раз просыпалась, ложилась и снова закрывала глаза, а после уже перестала надеяться.

Она стояла босиком на полу и смотрела в стеклянную стену, деревянные доски были пропитаны хвойным ароматом. По комнате разливалось тепло. Недавно приготовленный чай с корицей и мятой распространял эти сладкие воздушные нотки. А за окном расстился лес... Лес у самой окраины города.

Бесконечная зелёная, кое-где золотая стена представлялась ей лабиринтом. Таинственная даль, овеванная дыханием волшебства, напоминала ворота в сказку. Тара

смотрела на неё как завороженная, не в силах оторвать глаз. Она даже не ощущала холода, который уже подступал к ней, и сильный запах прохладного осеннего дождя, который просачивался через щели в комнатку, так же оставался для неё чужим и непонятым.

Тонкая рука коснулась стекла. Чуть запотевшее, оно туманило изображение. И на нём уже можно было что-то нарисовать.

Пальцы оказались быстры, движения изящны и грациозны. Пара секунд – и маленькое сердечко уже украсило собою стену из маленьких капелек. Настоящее сердце девушки так же было давно оставлено здесь, схоронено в глубине леса. В поле. В соседнем лугу... Она везде оставляла частички себя. И потому очень любила природу.

Обхватила пальцами кружку, начала по глоточку пить. Девушка очень любила чай, особенно горячий, дымящийся, ловила ртом пар и видела в чаинках пророчества. А потом смеялась. И говорила что-то. Всегда смеялась. Её вообще было невозможно представить иной – не может солнце погаснуть в одно мгновение, не может скрыться под облаками обиды. И даже обижаться не умеет, казалось.

Допив чай, набросила на себя свитер, обвязала шею толстым вязаным шарфом и, точно бабочка, выскользнула на дождливую улицу.

Её вздёрнутый, немного горбатый нос, немного напоминавший клюв редкой птицы, нередко был разукрашен пылью, а золотисто-каштановые волосы украшены венком из ромашек. Она так любила их, что иной раз забывала убрать венок и прямо в нём, дома, делала уроки или говорила с подругами. Никто не обращал внимания на подобные проделки девчонки, ей ведь всего 15, а подростки все со своими причудами, но, говоря слово «подростки», Тарью нельзя было отнести к ним и смешать вместе с другими сверстниками. Другая была она, отличалась от всех, выделялась. Никогда не грустила, не принимала зло близко к сердцу. Улыбалась неведомо кому и уж точно не умела лить слёзы.

Она редко гуляла одна, хотя и такое случалось. Обычно её окружали друзья, но последних Тара старалась выбирать с осторожностью: малейший нюанс мог всё «испортить», и, если он находился, ей думалось, что с таким человеком не будет ничего общего. Нюансом была, к примеру, любовь, да-да, та самая, по которой в её возрасте сходят с ума все девчонки. Все сходили, влюблялись, верили, а Тара – нет, она не верила в нечто подобное и, даже признавалась, считала ту уделом взрослых людей. «В мире и без того достаточно причин для радости. Любовь? Что ж, она тоже. Но далеко не только она!» А сама, как уже говорилось, ждала, но где-то так глубоко, так редко.

Тарья направлялась в сторону школы. Когда находилась на середине пути, солнце прорвалось сквозь облака и победило осень, и в спину ударили любимые горячие лучи тепла. Они согрели сонную душу и снова внушили радость, и школьница улыбнулась им, обернулась, вприпрыжку помчалась дальше.

В школе было всё, как и прежде. Тёплые кабинеты наполнились ветерками и разговорами почти обо всём. Девчонки бегали, суетились, обсуждая грядущий урок. Одна Тара молча листала учебник. Для неё биология не представлялась чем-то ужасно сложным. Всё было ясно, надо только учить.

- Ты боишься? – окликнул со спины голос.

Золотоволосая обернулась.

- Боишься экзамена? – повторила девочка с короткой стрижкой.

- Нет...

- Ты никогда не боишься их!

- А разве надо?

- Так страшно же: завалить могут!

- Я учила. – спокойно ответила Тара. – Учила, и не сложно там. Не думаю, что среди нас есть те, кто не способен прочитать параграф. А там всё написано. Учить надо.

- Нам некогда! – послышался смешной возглас Софии. Её «сёстры по школе» так же принялись отстаивать сказанное.

- Интересно, почему?

- А то ты не знаешь?

Тарья пожала плечами и неслышно засмеялась.

- А расскажите! – после добавила она, горящие глаза точно провоцировали девчонок, и кто-то из них сказал:

- Я не могу не гулять...

- А мне парень не разрешает!

- Я всё равно не планирую быть биологом... - посыпались их громкие голоса.

- Не собираетесь и не будете, - кивком согласилась Тара. Ей было непонятно, почему обыкновенная семестровая контрольная вызывала столько шума и ужаса. «И как это можно гулять целыми днями, и что делать в это время там, если учесть, что на лавочке они не читали?» Стоит сказать: не читали так, как она, не делали там уроки. «Часик можно ходить, но не весь вечер. Даже если тепло – надоест. Куда лучше сделать всё необходимое, а после с лёгкой душой выйти из дома и, греясь в лучах заката, подышать вечерним освежающим воздухом! Помечтать, поболтать, сделать несколько фото. Когда поют сверчки и звёзды подмигивают мыслям... Прекрасная пора, но её мало кто замечает!..»

3.

Трое подружек из класса окружили её и, боясь оборвать момент, молча следили за Тарьей. Сама она, одной ногой стоя на грядке, а другой балансируя, чтоб не упасть, согнувшись, стояла возле розового куста и пыталась сфотографировать бабочку. Много их, больших и вишнево красных прилетело в этом году в её северный город. Юркие, очень быстро бабочки летали и могли приземлиться даже на конский хвост.

Подружки Тарьи знали о её давнишнем увлечении фотографиями, о новой дорогой камере, которую она по собственному желанию однажды принесла в класс.

- И давно ты так? – первой нарушила молчание Ибет.

- Лет десять.

- Вот это да...

Школьницы в белых фартуках стали изображать яркие эмоции и в душе, наверное, не поверили Тарье. Когда же, наконец, снимок был сделан, и вчетвером девчонки шли по дороге домой, разглядывая его, наша героиня не раз отставала от своих спутниц, увлекаемая танцем листвы, она смотрела на то, как треплет растения ветер, как красиво распустились другие осенние цветы, как богато смотрятся наряды осени. И она выхватывала из их рук свою камеру и мчалась в сторону этих самых цветов, и снова делала какой-нибудь невообразимый снимок.

- Ты правда давно снимаешь? – обратились подружки-школьницы.

- Да. У меня же на страничке написано.

- Да? Мы не смотрели...

- И тебе нравится это?

- Очень.

- Наверное... - с явной долей сомнения проговорила самая младшая. – Наверное, и дальше будешь так?

- Да. Хочу поступить в ВУЗ на фотохудожника. А вы? Не решили ещё? Или придумали?

Все трое, как одна, начали галдеть и спорить о чём-то. Суть, которую можно вынести: ни одна из подруг не решила. Ибет мать просит отправиться в медицинский, но у той ни желания, ни способностей. Она очень наивная и медлительная. Не самая лучшая медсестра.

- А как ты пришла к этому?

- Как-то... сама. Начала, попробовала, ещё и ещё...

- А нам некогда, – вдохнув, опечалилась рыжеволосая Сара, – с учёбой ничего не успеваешь.

- Надо лишь распределить свой день. Я почти до ночи занята. Читаю, думаю или занимаюсь.

- Ах да, ты говорила, что очень любишь читать... А нам, - Ибет окинула взглядом Сару и третью подружку черненькую худощавую Вету.

- Нам, наверное, лень! – пожалала плечами последняя. – Уроки бы сделать!

- Как ты...

Тарья невозмутимо повторила уже недавно сказанное:

- Я просто знаю наперёд свой день. Это не сложно. И спорю, так каждый может!

До уютного желанного дома оставалось всего лишь две улицы.

- ...Каждый? Тебе легко говорить! – Сара печально поглядела под ноги. – Я боюсь даже самой себе показывать мои рисунки. Я боюсь...

- А зачем? Не надо.

- Так уж как-то выходит. – пожалала плечами она. – Так выходит.

Всем своим видом Сара выражала неуверенность: опущенные глаза, сжатые руки, немного кривая осанка.

- Но ведь тебе нравится? Честно?

- Я...

- Не говори, что больше нет, потому что «снова не получается».

- Раньше нравилось...

- Вот! А теперь? – Тарья подталкивала свою подружку к ответу, но та краснела и застенчиво улыбалась. Она поскорей хотела добраться домой, чтобы скрыться от этой болтушки и снова закрыться учебниками – иначе будет ругаться мать.

Впрочем, наша героиня и сама понимала: как это. Она не сразу решилась и поначалу очень долго переживала, показывая фото отцу. Тот молча кивал, указывал на что-то, просил исправить. Не сразу пришло мастерство, и многому ещё предстояло учиться. Но она знала заранее, чем хочет заниматься и сделала мечту главной целью.

Распрощавшись с подругами и оказавшись, наконец, в своей комнате, Тарья долго вглядывалась из окна на лес. Он казался после дождя ожившим, и много-много грибов звали её прийти к ним на встречу.

4.

В комнате пахло различными ароматами: конфетами, мёдом и сладкими яблоками. Попытка сделать их карамельными увенчалась успехом, и, придерживая пальцами за тоненькую палочку, Тарья листала книжку по математике – готовилась к будущему уроку. Всё действительно было не так сложно, если его учить. Однажды пропущенный материал

может сделать большую неприятность для следующего; если пропустил, следует нагнать и сравняться, тогда будет всё хорошо.

Многим учёба в тягость, многим скорее лень. Но до чего красиво выглядели цифры, выведенные тонкой искусной рукой художника! Витиеватые края и удивительный сине-фиолетовый цвет новой ручки, которая пахла фруктами. В свете небольшой золотистой лампы выглядели просто божественно.

От математики её оторвал звонок. Подружка. Сара. Она говорила растерянным и печальным голосом.

- Что-то случилось?

- Нет...

- Нет же?

- Я только....

- Говори всё, - настойчиво попросила Тарья, пытаясь вникнуть в причину неожиданного звонка. – Что стряслось?

- Я подумала...

- Думаю, нам лучше встретиться.

Было ещё светло. До вечера пару часов.

- Я оторвала тебя, наверно. – грустные глаза Сары вновь были опущены в пол. - Что ты делала? Снова уроки?

- Да, я люблю не затягивать.

- А потом погулять?

- Потом у меня в распоряжении будет весь вечер и всё, что я захочу.

Девушка с золотыми волосами была как всегда в настроении. Она предложила отправиться к ближайшему кафе и, если хочет Сара, выпить коктейль или заказать пиццу.

- Давай пиццу, - машинально проговорила та и, кажется, улыбнулась. Садясь за столик, она не сводила глаз с большой белой коробки.

- С собой?! Ты привела меня сюда, чтобы съесть пиццу, а теперь заберешь её? – растерянность переменилась бледностью. Кажется, Сара опешила. Во всяком случае удивилась.

- Нет же, я всё объясню! – Тарья весело соскочила со стула, взяла горячую коробку, прислонила её к груди и попросила идти за ней. Вместе девочки вышли из кафе и снова оказались на яркой осенней улице.

- Куда теперь?

- В лес!

Лёгкий осенний ветерок обдувал лица грустной прохладой.

- В лес?

- Который невдалеке от моего дома!

- Но зачем?..

- Вот увидишь!

Ноги быстро зашагали по рыжим листьям. Сара пару раз оглядывалась назад – на маленькие домики их небольшого города, а после, набрав в грудь больше воздуха, кажется, даже смирилась с новым небольшим путешествием. Оказавшись на широкой протоптанной десятком ног тропинке, она была рада, что захватила с собой шапку и набросила кофту с длинными руками. Хорошо осенью, но лучше, когда ты согрет, когда мягкая вязь, а не ветер обнимает тебя за плечи.

- И... куда мы идём? – девушка снова огляделась по сторонам. – Тут только деревья?
- Да... - прозвучало как-то победно.
- Ответь, Тара!

Та снова витала в своих облаках.

- Что же тут объяснять? – она отыскивала взглядом пенёк, прыгнула на него и открыла коробку. – Угощайся!

Назойливо пахнувшая пицца оказалась недурной и на вкус. Сара, наконец-то, расслабилась и, глядя то на лакомство, то на подругу, снова стала разглядывать лес.

- Так воздуха много!..
- Ну, вот!
- И часто гуляешь тут?
- Почти каждый день.
- Так... красиво... - говорящая улыбнулась и, кажется, залилась румянцем, а Тарья, уловив послабление в речи, подхватила оборванный диалог:
- Красиво, если нарисовать! Ты же, говоришь, что вдохновения нет. Ты просила найти его! Вот оно! Всегда здесь, всегда рядом! Приходи в лес, смотри на природу. Расслабься и просто впусти её. Ты поймёшь, до чего она бывает прекрасна!..

5.

- Лес – как небольшое путешествие. Когда хочется куда-нибудь, но, возможностей нет, он так же по-своему прекрасен.
- Я, если честно, боюсь на самолётах летать... - доедая последний кусочек пиццы и чавкая, пробормотала Сара. – И ты тоже?
- Я – нет, но я никогда не летала. Поэтому не могу говорить.
- Говорят, они так часто падают...
- Не чаще, чем тонут корабли. Впрочем, я согласна с тобой. Не об этом. Когда рядом такой лес, или гора, или ещё что-нибудь, зачем рваться в неведомое, можно насладиться и этим.

Тарья соскочила с пенёка.

- Пойдём дальше?
- Куда ещё?
- В сам лес! Это что же мы тут, на тропинке, а там, в глуши, там куда интереснее!
- И что там?
- Есть река с прозрачной водой и даже небольшой водопад. Он сейчас, спору, весь засыпан жёлтой и рыжей листвой. Листья падают – и все в реку!
- А ещё? – Сара с интересом смотрела на манящую даль. На неизвестность, скрытую среди ветвей и камней. – Далеко идти?

Тарья пожала плечами и, кажется, стала считать. Они уже шли, болтая о чём-то несерьёзном и надеясь отыскать в этой осенней дали мечты или хотя бы обыкновенное хорошее настроение. И, кажется мне, нашли.

Всюду встречались грибы: толстенькие, белые, коричневые и кое-где даже розовые, они смешно выглядывали из-под корней и листвы, точно напрашиваясь, чтобы их взяли с собой и унесли из холодного леса, унесли в дом. Сырой запах листвы и сладкий аромат грибов – вот лучшее сочетание. Вот то, что может вдохновить и запомниться.

До самого водопада девочки не переставали разговаривать. Разгоряченная этой внезапной вылазкой Сара была вся красная, а её ярко-рыжие волосы сбились в большой клубок.

- Это, наверно, ветер. Кислорода много. Обычно я дома сижу...

- Я заметила. Бледная ты. Почаще надо гулять!

- Да, только... все заняты. А самой мне... Если ты... не против?

- Нет, конечно, я против того, чтобы чахнуть дома, а вместе гулять – только за! – Тарья снова заулыбалась и обняла свою нерешительную подругу.

- Правда?

- Конечно же.

- Да?

- Только да.

Они прошли ещё несколько метров по узкой тропинке и вышли к небольшому холму.

- К нему уходит река... - заметила Сара, удивившись этому незамысловатому открытию.

- И что? Я знаю.

- У меня такое подозрение или там...

- Там есть пещера, точнее грот небольшой. Если забраться во внутрь и пройти несколько метров, окажемся на небольшой площадке и будем смотреть на водопад изнутри.

- Изнутри водопада? Ничего себе... - восхищенно пробормотала подружка.

- Идём? Туда! – предчувствуя очередное сомнение, подтолкнула Тарья.

Сара была слишком возбуждена и счастлива, чтобы ответить, она лишь кивнула. Горящие глаза сказали всё лучше слов.

- Осторожно на мокрых камнях.

- Я вижу...

- И тут...

- Так темно!

Река делала поворот, скрываясь в небольшой трещине. Холодные капли брызгали на лицо, на одежду, рыжие волосы Сары мгновенно прилипли к ушам.

- Ужас, - пробормотала она, - так и голову помыла неожиданно...

- Если пройти ещё дальше, будет озеро. Там можно и с головой!

Тарья опять засмеялась и в целом выглядела такой же мокрой.

- И часто ты...

- Здесь – нет. Но когда нашла, решила осмотреть. И искупалась по неосторожности.

- Фонарик надо было взять...

- Телефон! – быстро нашла с ответом. – Посветим камерой.

- А попутно снимем что-нибудь...

- Только не монстров! Не надейся даже. Их нет. Самый лютый зверь – это ветер, когда ты весь мокрый, а он колется и кусает тебя... - рассмеялась.

- Ветер, говоришь? Как смешно! – она говорила что-то ещё, обращаясь к недрам пещеры, и скорее всего напоминала в этот момент Сару, ту, что из фильма «Спуск».

Весь оставшийся вечер они пробыли на природе, холодом тянуло от узеньких улиц, в лесу почему-то было намного теплее.

- Странно так, не считаешь?

- Наверно, природа нас греет! Или настроение, да? У меня здесь всегда оно повышается!

Тарья выдвинула ещё несколько гипотез, затем простилась. Каждый в одиночку возвращался домой, так как жил в разных районах города. Маленькие рыженькие окошки светились теплом и напоминали фонарики фей. Хорошо идти по улице, когда над тобой мигает, горит и движется целый ряд сверкающих вывесок – красные, жёлтые и белые, розовые, синие и зеленоватые неоновые надписи рассказывают про магазины и предлагают свои услуги.

Гулять по маленькому ночному городу так же было любимым занятием Тарьи. Когда уроки все сделаны, в кармане несколько евро, и в животе не буйствует голод, в самый раз пройтись, надышаться и, наконец, уставшим, добежать до своего дома, и уснуть за пару минут мёртвым сном, не видя разных картинок и совсем ни о чём не думая.

Возможно, последнее покажется вам весьма странным. Тарья говорила, что не понимает, почему люди столько гуляют, а тут гуляла сама? Всё так, если бы не один нюанс: она не любила гулять просто так, но путешествия, даже по старым известным и сто раз известным улицам, ценила как нечто приятное. Она мечтала увидеть мир, другие города и другие страны и искренне надеялась, что однажды их посетит.

6.

Приближались осенние каникулы. Столько радости, заключено в короткую неделю! Столько событий! Тарья ждала этого дня с тихой надеждой, веря, что на сей раз может случиться чудо. Сладкое сахарное печенье, взятое нею в тот день, быстро улетучивалось, оставалось всего ничего. Последний день занятий прошёл немного сумбурно, все рвались на улицу, и материал в принципе уже был пройден. Казалось, даже учителя радовались перспективе отпустить детей на «свободу».

Тарья сидела на лавочке и доедала свою вкуснятину, как появилась Ибет и Сара. Сегодня одна из них была явно не в настроении, но было не ясно, по какой причине.

- Чего же вы так? Небо не серое. Нет даже ветра!

- Мне... не... опять...

- Да что же стряслось?

- Не взяли! – наконец, выдавила Ибет.

- Не взяли куда?

- В поездку... - перехватила диалог Сара и, немного смущаясь, начала рассказывать за подругу. Оказывается, та собирались в какое-то путешествие. Разумеется, лишь на словах.

- И зачем же так далеко? – выслушав до конца, изумилась Тарья. – Я водила тебя в лес, Сара? Ты помнишь его? И как?

Ясно проступившая на узких губах улыбка не могла не отразить эмоций.

- Да, помню...

- Так чего же вы?

- Ей видели-те обещали...

- Кто?! – закричала Тарья. – Мальчишки? И вы им поверили?!

Ибет насупилась и молча кивнула.

- Я – верила. Это же Майкл сказал, а не Джорджи или коротышка Най. Теперь он – не мой парень.

- Да брось ты... Ему сколько лет? 15? Он ведь даже младше тебя! Прекрати! – Тарья обняла едва ли не рыдающую подругу и пригласила её на чай. – Как соберёшься с мыслями, приходи. Я подумаю, как мы можем развлечься и без мальчишек!
- Но он же сказал... - в последний раз начала Ибет.
- Дуры! – не выдержав, закричала девушка.
- Кто?
- Мы? – возразила Сара. Она тут же устала на Ибет.

А Тарья весело рассмеялась.

- Да шучу я, шу-чу! Собирайтесь, жду вас обоих!

Придя домой, Тарья первым делом пересчитала оставшееся печенье. Она решила, что уроки подождут и теперь, раз теперь наступила любимая и долгожданная свобода; можно отложить всё на «потом.» Она выглянула в окно и увидела завядшие листья. Тара всегда ставила их на окно, как только приходила любимая осень. А теперь листья уже пожелтели, скукожились, надо бы набрать новых, тех, что ещё «живые.»

Она выбежала во двор, забыв про шарф и новую вязанную шапочку, так, в одном лёгком свитере и джинсах, принялась собирать букет. Ветер частенько приносил из леса разные красивые вещи, узорчатые и пятнистые листочки, иногда какие-то небольшие цветы. Буквально за полчаса девочка снова была довольна: она заменила старый букет на новый. И вся её комната благоухала ароматами осени.

На часах уже почти 14. Подружки скорее всего опоздают...

Не успело пробить 15, как в дверях появилось три силуэта.

- И ты?! – Тарья удивлённо поглядела на Вету, понимая, что надо будет угостить и её.
- Девочка маленького росточка, которая обычно была самой тихой и безынициативной, неумело кивнула и пожала тонкими плечиками.
- Заходи!
- Ибет рассказала. – оправдываясь, прошептала Вета и бросилась скорее в комнату. Она бежала босиком по тёплому дощатому полу и вмиг остановилась, увидев осеннюю красоту.
- Помнится, ты говорила, что любишь листья, но я!..
- И представить не могла?
- Да...
- С ними любая серость отступит. Всегда красиво и есть приподнятое настроение.

Тарья усадила подруг за столик и подала цветочный чай.

- Печенья мало, так что разбирайте...
- А ты рассказывай, что же нам делать?
- Вам что?

Хозяйка вкусных печений таинственно улыбнулась и заговорила тихо, почти шепотом:

- А что говорить? Не взяли вас – сами поедem! Если родители разрешат, предлагаю путешествие загород! Пикник, горы, пока ещё погода хорошая. Она в этом году и без того затянулась. Дождей почти не было, а ведь могут полить. Поэтому решайтесь скорее! И имейте ввиду: я жду.

Разумеется, с нею никто не спорил.

Девочки в тот же день начали собирать «чемоданы», пытаясь уместить в них дневники, книги и любимые тёплые свитера.

- Уверена, будут ягоды на любой вкус!
- Это ты думаешь? – оборвала Вета.
- Уверена!
- А ещё грибы и...
- Возможно, ёжики.

Тарья сказала, не в первый раз бывала в намеченном месте. Однажды с отцом, а потом сама, с друзьями из первой школы. Конечно, там не будет букетиков листьев и вообще вряд ли будут цветы, но будет тёплая и красивая осень, оптимистичное и приятное настроение – уж в этом она уверена.

- Так много всего! – пожала плечами Сара, покрасневшая от внезапных эмоций и внезапных сладких переживаний, и попыталась приподнять свою сумку. – Надо же, как будто на месяц, а мы...
- На рассвете выходим. На следующий день к вечеру опять дома! Так что всё это на одну долгую звёздную ночь.
- И это ты знаешь?
- Уверена!

С каждым мгновением вечера ещё не наступивший завтрашний день начинал превращаться в сказку...

7.

Утро оказалось далеко не таким тёплым, как всем хотелось. За окном виделся проливной дождь, который по обыкновению застилает горизонт белой непрозрачной стеной из капель, и солнце по-прежнему горело где-то на краешке неба, но оно было маленьким и точно спало ещё, поэтому не светило в полную силу.

В прохладном воздухе лучше всего чувствовались различные запахи. Это известно и с этим нет смысла спорить. Духи Тарьи, всегда лёгкие и едва заметные, со сладкими нотками чайной розы, ванили и ещё чего-то, распространились на весь автобус. Розы благоухали везде.

Сама девочка также слышала их и немного улыбалась случившемуся, называя всё случайностью и не соглашаясь с тем, что она якобы вылила на себя весь тубик.

- Перестань, Вета. Ты же всё знаешь.

Под «всё» скрывалось нежелание Тарьи выделяться и привлекать внимание. Однако всегда получилось наоборот.

- Да, как бы, это я, в тоже время... Тебе разве не нравятся розы?
- Слишком много кустов.

В свою очередь от черноволосой пахло солью морского берега. Она любила море и когда-то жила там, далеко-далеко, почти у самой Норвегии. Теперь, будучи много южнее, к морю подступиться сложнее, и голубые раскатистые волны были вынуждены обосноваться в мечтах.

Автобус тронулся, из неприкрытых окон повеяло долгожданным воздухом. Он был таким же холодным, как утро. И девочки вжались в свои сидения, Сара набросила на голову капюшон и на мгновение утонула в его глубинах.

- Выбрались мы...

- Молчи! – Тарья пыталась сохранить самообладание и остаться прежней даже не смотря на погоду.

- Это ведь и там будет так!

- Будет-будет! – как специально прошептала Ибет. Она иногда любила передразнивать подруг подобным образом, хотя, если честно, сама больше других надеялась на возвращение солнца.

Дорога шла в гору, после через поля. Живописная природа немецких земель, как на холсте, вырисовывалась перед юными путниками.

- Какой маршрут? – спокойно проговорила Сара, понимая, что прежний накрылся тучами, и будет, возможно, новый.

Ничего не говоря, девушка с золотыми косичками, туго собранными у самой макушки, протянула ей карту – листок, с отмеченными чернилами точками.

- Неужели всё тоже?

- Так нам ещё... - покосилась на часы и сказала бойко: – Нам ещё очень долго!

Тарья оказалась права. К девяти расступились облака, солнце налилось яркостью. Пуще зазеленела трава, из приоткрытого окна больше не веяло холодом, оттуда на радость всем доносились различные ароматы: цветов и травы. Каждый с нетерпением ждал, когда прибудет автобус.

Волновались, но каждый по-своему. Девчонки надеялись на приключение и видели теперь его только в тёплых тонах, а Тарья согласилась бы с любыми условиями – такая у неё философия жизни: она всё воспринимала, как есть, и не строила радужных замков.

«Будет дождь – укроемся в лесу. Мы взяли с собой две палатки. Будем в них отдыхать и ждать. Не замёрзнем. Зато после увидим большую радугу. Если усилится ветер, это тоже не страшно. Главное, чтоб не гроза, хотя и она по-своему чем-то красива.

Не может же всё быть по плану. Не может быть всё хорошо. Собрались по одному сделать, а жизнь преподнесла по-другому. Так даже интересней. Не думали? Мне кажется, так. Нам в любом случае запомнятся эти дни, потому что не каждый месяц мы ездим куда-то вместе.»

Гул автобуса затих очень резко. Туристы принялись толкаться и шуметь, зазвучали разные языки и наречия.

- Что? Уже выход? – Ибет успела задремать и теперь выглядела немного растерянной, точно птица, с всклокоченными перьями-волосами.

- Да, выходи! Или ты останешься и поедешь обратно?

Сара не удержалась, начала громко смеяться. Только так, вернувшись в комфортное положение, и она, и все остальные могли прочувствовать предстоящее путешествие.

Они начали двигаться в сторону горной реки по узкой каменистой тропинке. Такие маленькие с виду, как букашки, закутавшиеся в свои куртки и шапки. Они ждали увидеть осенний рай, а оказались на серой равнине.

- И где твоя пресловутая осень?

- Мы не проехали её?

- Нет.

- Тогда где же?!

За ближайшим холмом вырисовывались зелёные дали.

- Неожиданно!

- И стоило только сказать!..

С ветром Тарья оказалась права. Он трепал её непокрытую голову и, как специально, норовил забраться в самые уши. Сара забыла перчатки, а Ибет и Вета пока что не жаловались ни на что. Они шли вслед за золотоволосой подругой и, изредка переговариваясь, показывали на приближающуюся зелень рукой. Изредка они сливались с ней, особенно Сара, когда подходила вплотную к деревьям и вслушивалась в голоса птиц. Как художник, она видела этот мир немного иначе и иногда, цепenea перед чем-то красивым, казалась всем отрешенной и даже немного странной.

- Туда мы не пойдём! – внезапно отрезала Тара, возможно, оборвав чьи-то наивные мечты об отдыхе.

- Почему?

- А я думала...

- Так ведь у нас тоже есть лес и не хуже. А гор и полей таких – нет.

- Чужой лес. – вставила Вета. – Не такой. Другой.

- И скучный! – вторила Ибет. - В нём ничего интересного: только деревья и травы. Возможно, цветы какие-то.

- Говоришь, будто была и тебе не понравилось! – тут же вставила Сара.

- Кажется, нет.

- Но тогда...

Все знания Тарьи заканчивались на фотографиях. Она наврала и на самом деле никогда не была здесь, но всегда хотела посмотреть и приехать.

- А говоришь, что была! Здесь! Или ты... – не выдержав набросились на неё все трое.

- Простите, я так хотела поехать... - опущенная голова явно говорила о чём-то грустном.

- Только не начинай, не говори, что ты...

- Да. – Тарья подняла глаза и вперила взглядом на Ибет. Та обиженно надула губы, и яркий, искрящийся на солнце блеск, смешно засиял на них, напомнив капризную принцессу из сказок.

- Я так и знала! Так и думала! Ты не знаешь, что тут за место, а привела нас! Всех!

- Зачем ты обманула нас?

- Всех! – добавила Ибет с ворчанием.

- На самом деле я была здесь.

- Где же?

Тарья махнула рукой.

- Была! В сотне километров отсюда. С папой. В кафе! Да не смотрите на меня так... В городе! Была! Я! Но я слышала, насколько здесь хорошо...

Сказать, что девчонки обиделись – ничего не сказать, потому что ближайший час они разговаривали только друг с другом.

- Пусть даже не предлагает больше ничего.

- Завела, чёрт знает куда!

- Сейчас, точно, как в фильме, выскочит кто-нибудь и убьёт нас...

- А может, не выскочит! Может, хватит?! – Тарья не в первый раз пыталась извиниться и чувствовала себя крайне неловко. – В конце концов, я о вас думала. Чтобы мы развлеклись. Тут же такое ме...

- Можно было так и сказать вчера... - зло прошептала Ибет.

А после все опять смолкли.

- Ладно вам. Хватит ссориться! Я уже приглядела полянку. Предлагаю остановиться там и успокоиться мыслями.

В дневниках каждой из девочек к вечеру появилось много различных записей. Это и сомнения на счет самой поездки, и беглые строчки, напоминающие чем-то стихи, и удивление, полученное от поступка Тарьи, и подлинное восхищение, и эмоции...

Золотисто-зелёный лес, в который они всё же пошли, располагал огромными мягкими, как ковёр, полянками. Они были почти все изумрудными, отчего казалось, что осень напрочь забыла про эти края, и тут по-прежнему царит лето.

Из больших рюкзаков и сумок девочки тотчас достали бутерброды и термос, Сара откопала конфеты.

- Думаю, для начала – хватит. Вечером ещё поедим.

- Оставим всё здесь.

- Всё равно мы одни тут, кажется...

- ...И попробуем отвлечься от города.

- Да.

- Вы «за?»

- Все «за», - слышалось через какое-то время.

- И всё надо так! Самим надо делать. – сказала вечером Тарья. – Вот ты думали, надеялись на кого-то... А зря.

По выражению лица Ибет было ясно, она хочет что-то сказать.

- Забудь! Я говорю: вы думали поехать куда-то, а теперь, когда уже всё состоялось, что скажете вы? Понравилось ли? Или... нет? – чуть тише пробормотала она, по сути проглотив последнее слово.

Они сидели напротив палаток. Ибет возилась с подушками и пыталась расстелить одеяла.

- Если бы только не эта кривая земля!

- Уж какая есть, не ворчи.

- Мы ведь на земле будем спать?!

- Да хоть на траве! Я и тут могу, если ты возражаешь. – Тарья выхватила из её рук одеяло и демонстративно уложила его сухую листву. Скрестила на груди руки и, выждав какое-то время, уже лежа на импровизированной постели, продолжила: - Не слышу вашего ответа, девочки!

- Так ведь мы ещё здесь!

- И целая ночь впереди!

- Дома впору обсуждать всё, что было!

- ...И я отправляюсь спать...

Утро оказалось сырым и холодным. Кажется, всем так утомились и надышались воздухом, что спали, как мёртвые, и не слышали проливного дождя. Проснулись лишь от того, что холодок стал забираться в палатки, и из-за этого, подсознательно борясь за тепло, Сара натянула на себя почти всё одеяло, а Ибет обняла во сне Вету, и, очнувшись, та долго смеялась с неё и даже назвала «своим мальчиком.» Скорее всего за прическу.

Тарья уже не спала, как уже говорилось, лишившись одеяла, она лишилась и сна и, натянув на себя ещё один свитер, сидела в уголке палатки и в свете проступающего утра

читала взятую с собой из дому книгу. Это был старый роман, о котором она и забыла, а начала очень давно.

С удивлением для себя быстро переворачивала листы, замирая на резких моментах, кое-где почти не дыша. При этом она пару раз успела поправить одеяло Сары и укрыть её, когда та снова начала ворочаться и чуть не проснулась – от холода.

К тому моменту, когда слепящее солнце, а не дождь разбудило всех спящих и в книге кончалась предпоследняя решающая всё глава, Тарья посмотрела на часы и принялась будить подружек. И именно тут они вышли из своих палаток, и, обхватив руками себя, сказали, как же «ужасно холодно!»

- Вот не думала, что тут так!

- Вчера было намного лучше!

- Может, потому, что вчера солнце светило?

- К обеду ещё прогреется...

- Или... нет, и нас лучше возвращаться обратно?! – Вета решила поспорить и принялась тут же искать свою шапку, и, натянув её по самые уши, скрыв вод вязаными стяжками чёлку и почти заслонив глаза, сидела в ней, даже, когда находилась в палатке.

- Предлагаю прогуляться к реке, после в гору, а после назад – собирать вещи.

И всё было именно так, как они для себя решили. На сей раз ничто не помешало хорошему отдыху.

Время пробежало быстро, но эмоций осталось немало. Тарья угадала с этим, и все вернулись назад довольными, Ибет смеялась, вспоминая обещания мальчишек из класса, и думала, что поездка с ними могла обернуться куда более скучным зрелищем.

- Знаешь, я даже уверено в этом! – подтвердила догадку Тарья, читая мысли подруги и вспомнив опять про класс.

8.

Вернувшись из недолгого путешествия, девчонки не раз ещё вспоминали его, говорили про красоту лесных полей и унылый холодный дождь, который взял и «почти всё испортил!», но в то же время сделал день очень светлым. Подходили концу каникулы. Оставалось лишь пару дней. Тарья пристально глядела на календарь, делала небольшие пометки. Она что-то считала. Дни. Перевернув лист на ноябрь, цифр становилось ещё больше. И вот последняя. Точка!

До Дня рождения меньше, чем месяц.

С каждым днём холодало. Дуло из щелей и окон. Их больше не хотелось распахивать и выглядывать во двор, как летом. Единственное, чем можно было заняться, чтение. Надоели долгие разговоры с подругами, иногда приятнее помолчать. Она в равной мере любила тишину и общение. Тарья снова вспомнила про тот роман, нашла его в сумке и посчитала – всего несколько страниц до конца. Это на пять минут. Закуска, точно орешек, и тут Тарья вспомнила про них, осознала смешное сравнение и помчалась галопом на кухню. Фундук ведь давно собран и лежал в небольшой мисочке. Ешь – не хочу, называется! Ах эта девичья память!

Она заварила себе вкусный кофе и украсила его молочными сливками. Долго думала над рисунком, а потом так же долго пила, пытаясь насладиться вкусом на полную. Небольшая крыска по имени Макси, пару лет назад купленная Тарой на рынке, с шумом

возилась у себя в клетке. Кажется, она просила есть и была немного расстроена, увидев свою хозяйку, уплетающую орехи за обе щеки. В итоге выпросила себе орешек, после сидела довольная.

Через несколько дней Хэллоуин. Тарья лишь тут поняла, что совсем про него забыла. Не приготовила костюм, забыла купить конфеты!

- Надо бы наверстать это... Пока я опять не забыла. С этой школой и постоянными проблемами, которые на меня все хотят повесить... Не мои ведь, а решать приходится. И так спокойствия нет. Вот почему и забыла. – тяжело вздохнув, она решила прогуляться в магазин, но не доходя до него, остановилась, привлеченная знакомым голосом. Она так и стояла, прислушавшись, прячась за широким деревом, дожидаясь, пока мимо неё, невидимой, пройдёт небольшая толпа. Знакомый голос принадлежал Ибет, и это открытие малость расстроило Тару. Она лишь тут, впервые в своей короткой жизни, поняла, в какой компании водится её подруга. Она увидела тех, кто «якобы ей обещал!» Увидела, кажись, впервые.

Это были подростки чуть младше неё самой. Младше Ибет, старше Тарьи, которая, к слову, считалась едва ли не самой маленькой, и изредка некоторые одноклассники, такие как любвеобильная София с её кампанией, подшучивали над Тарьей, считая, что она не доросла до некоторых взрослых утех. В свою очередь златовласка считала ровно наоборот, что она уже выросла или даже переросла, и потому не обращала внимания. Она старалась не думать об этом и том, как ведёт себя большинство сверстников, ведь, если на то пошло, это была их жизнь и её она не должна касаться. Но такое размышление эгоистично, и нельзя оставаться в стороне, видя, каким становится мир. Иначе мир станет ещё ужаснее.

После увиденного перед магазином мысли о непонимании окружающих снова возникли в её голове и начали терроризировать с новой, ещё большей стремительной силой. Не то, чтобы девушка хотела стать такой же, как все, нет, ни за что, но изредка она ощущала странные чувства, тоску и даже боль, понимая своё место в обществе, думая, что у неё всегда будет меньше друзей, чем у них, и что надо всегда быть готовой к насмешкам и оскорблениям; ведь, если ты вдруг не такой, как все, ты – изгой. И это всегда так. И так будет.

Она вспомнила, как несколько раз приглашала Ибет в кино, а та хихикала странным и чересчур весёлым голосом и как будто врала ей. И скорее всего врала! В толпе Тарья отчетливо различила колечки дыма, и одно из них явно принадлежало подруге. Она курит чёрт знает что, а потом придумывает отговорки!

В один миг прежний облик миленькой девочки со смешными косичками преобразился и стал совершенно иным. Тарья воображала, а возможно, угадывала, но ей стали ясны мотивы многих поступков Ибет: её злые шутки, ирония и причина недавней неуспеваемости. Возможно, есть ещё что-то, чего не знала Тарья, и что, возможно, узнает? А пока ей хватило такого. Разочаровываться в друзьях всегда грустно. И всегда так внезапно и больно.

Конфеты с шоколадной стружкой были съедены в тот же день. Одну из них выпросила вечно голодная крыса. Долго играла с фантиком, «говорила» с ним, шипела и била лапой, так что хозяйке подумалось, она и его съесть готова. И пусть. Съела бы в добавок тоску, Тарья расцеловала бы крысу.

Она явилась на порог, едва держась на ногах, хватаясь рукой за косяк и за не очень крепкую ручку.

- Проходи же, не стой.

- В чём дело?.. – кажется, Сара также видела Ибет такой впервые. Она привстала, и разговор, с которым пришла час назад, показался бессмысленным и неинтересным.

- Она явно перебрала... - прошептала Тарья на ухо. – Я тоже не знала. Представь.

Сара лишь молча кивнула. Она всегда недолюбливала тех, кто злоупотребляет вредными привычками и клялась, что никогда бы не стала такой, как все.

Пьяные глаза Ибет сонно глядели на девочек.

- Мне нехорошо как-то... - наконец, прошептала она, прежде чем опущенная голова упала на стол и на вовремя подставленные руки.

От неё пахло ядрёным дымом, сладким и одновременно с тем противным. Сара на какое-то мгновение даже прикрыла лицо, но запах распространился по комнате, подобные манипуляции больше не помогали. Она стала чихать, а после убежала в кухню, нужно было срочно запить.

- Я принесу воды! – крикнула рыжая. - Что с ней случилось?

- Должно быть, накурилась. Или хуже того...

Ибет едва держалась на ногах, она с трудом удерживала в руках чашку и почти не могла говорить. Глаза смотрели несфокусированно, и кожа почему-то стала холодной и белой.

- Её надо вытаскивать из этого... - обеспокоенно прошептала Сара. – Тарья, помоги ей, придумай же... Ей правду плохо. Не все могут переносить эти гадости.

- Я вижу сама. Надо для начала узнать, что произошло.

- Ибет! Эй! Нет, не слышит... Всё бесполезно! – Сара всплеснула руками и вопросительно посмотрела на девочек.

- Дай ей прийти в себя...

- Завтра никакой школы! И никаких сигарет! – продолжала, не слушая никого.

В кармане лежала новая ещё не открытая пачка.

- Выбросить!

- Ну, вот... не отвертится, что рядом стояла. Знаю таких.

- И я знаю. – Сара вздрогнула от жутких воспоминаний. Перед глазами пронеслась сцена, в которой она и другие её одноклассники, но без Веты и Тарьи, тогда они ещё не знали друг друга, да и это случилось не в школе; все предлагали ей выпить вино и даже связали её, но потом, как сказали, играючи. Мол, мы тут одни, это происходило в лагере; вожатые далеко, надо напиться. А потом «будь, что будет». Сара убежала в слезах. Рассказала старшим, а на следующий день, буквально за час до отъезда, её очень сильно избили, оставили одну, «вынудили» опоздать на автобус... - Знаю таких, - очнувшись, пробормотала она, - боишься быть другим и тем более самим собой, но себя потерять хуже всего и страшнее. Возможно, Ибет не специально... Но так уже случилось. Не будет гадать, почему.

- Не будем.

- Когда она будет в состоянии слушать, поговорю с ней. Ты ведь не против?

- Нет.

Тарья поддержала эту идею без возражений.

- Я только за, ты же знаешь.

- Надо вернуть Ибет, какой она была, сделать прежней! И не затягивать! И выкинь ты, наконец, сигареты, не стой с ними вот так в руках. А то меня... уже... Меня уже тошнит от запаха!.. Лучше дай, я сама! – Сара выхватила пачку и злобно кинула её в мусорное ведро. – Самое место. Нечего отравлять мозг и душу и убивать себя...

Они сидели рядом и молчали. Каждый думал о чём-то своём. Тарья не могла вспомнить, в который раз за сегодня видела лицо Ибет: пятый, десятый, двадцатый? Да это и не так важно. После вчерашнего случая, в котором была виновата только она сама, Ибет старалась не говорить о прошлом, а Тарья – напоминать.

- Случилось – прошло. – тихо-тихо бормотала она, опять раскрывая тему.

- Так случилось.

- Да. – снова подтвердила девчушка.

Последний день осенних каникул закончился особенно «празднично».

Тарья кивнула.

- И всё же... Ты же знаешь, что бывает?

- Да. Не люблю, когда ты читаешь нотации.

Улыбнулась.

- Прости. Не нашла другого варианта.

- Да я и сама понимаю.

- Что на тебя нашло?

- Если честно... - разговор разгорелся опять. Ибет оглянулась и тут же пожала плечами. Она выглядела растрёпанной и уставшей бабочкой в этом длинном и мешковатом пальто-кофоне. На улице немного потеплело – из-за туч, наконец, проглянуло солнце. Но оно не предвещало весну и с каждым днём напоминало о грядущем холоде. Светило устало, работало не в полную силу, и листья виноградной лозы, кидали на девочек тень из забавных зубчиков. Как говорится, да, уже осень, но одновременно с тем не зима.

- Жарко.

- А я не сказала бы. Вчера было не так. Вчера холодно.

- Я знаю... - Ибет стала делать неловкие движения, пытаясь освободиться от надоедливой длинной одежды.

- Каждый день погода разная, не может устояться на месте. Как вернулись с поездки, застали там дождь, так и привезли его – с собой в наш город.

Они сидели перед домиком Тарьи на лавочке, не глядя друг другу в глаза. Слушали ветер, выискивали на соседнем дереве птиц или хоть что-нибудь, что могло бы зацепить взгляд.

- Скажи... - прозвучало холодно.

На какой-то миг Ибет надумала губы и проглотила какие-то рвущиеся наружу слова.

- Что же тебе сказать?

- Ты знаешь.

- Это...

- Да, это.

Злотовласка кивнула, переминая в руках какой-то сухой и малость почерневший цветок. Она явственно ощущала неприятный запах сигарет и чувствовала его везде, как будто курила она и буквально минуту назад, а это всего лишь пахла пропитанная ежедневным дымом одежда непутёвой подружки.

- Как он будешь иначе, - усмехнулась Тарья, передав Ибет этот неожиданный осенний подарок.

- Нет уж!
- Тогда прекрати. Зачем травить себя? Чтобы потом пожалеть?
- Я же сказала: случайность. Что было – прошло.

Короткие фразы выдавали неуверенность и полнейшее нежелание говорить. *«Я не хочу... - так и читалось в словах. – Но ты просишь. Поэтому я буду вынуждена.»* Недлинные волосы вновь приподнял ветер. Он начал трепать их и листья, лежащие у самых ног. Осень постепенно переходила в другие края, рыжий оттенок и золотое тепло, которое витало в воздухе, всё больше заполнялось холодной стужей, кристальной чистотой воздуха, резкими звуками, холодными прикосновениями. Плющ на соседнем заборе увял, его листья превратились в серые тени. Так уныло стало здесь, а ведь раньше всегда чувствовались тепло и осень! Осень казалась вечной.

- Такой день сегодня...
- Обычный холодный день. – кивком подтвердила Тара.
- Может, в дом? Чего мы сидим здесь?
- В доме не так душевно, и мы не сможем поговорить по душам.
- Отчего же?
- Не знаю. Но тут мне намного свободнее.

Тарья показала на миг улыбку, а после снова отпустила свои эмоции. И снова содрогнулась от ветра.

- Холодно. – ещё раз пробормотала девушка. – Может, ты и права.
- Горячий чай не помешает.
- У меня есть с персиком.
- И такой тоже. Не откажусь! – Ибет так же выдавила улыбку, встала, пошла к двери.
- Подожди!
- Что ещё?..
- Ты не ответила...
- Да? И о чём?

Хозяйка вкусного чая встала вслед за Ибет и молча взглянула на неё. Казалось, ещё вот-вот, и волосы встанут дыбом – вязаная шапка как будто «спасала» их.

- ...Я не хочу ничего сказать. Я верю, тебя бросил Майкл. И с поездкой обманул. Всё специально устроил, но... Это не повод.
- Ты не любила. Не знаешь.
- Нет. Впрочем, - поспешно добавила Тара, кивнула, - ты в чём-то права... Я не не верю, что тебе плохо. Я не верю в то, что нет других выходов. Они есть. Поверь. Подумай в первую очередь о себе.
- Знаю. Хватит уже. Идём в дом. – Ибет едва не кипела от злости, уставшая от внезапных нравоучений, хотя и не подавала виду. Что-то удивительное, непонятное, странное было в её златокудрой подруге. Казалось бы, ничего, но это только лишь с виду. Тарья отличалась от всех. Говорила не так. Имела свои взгляды, стремления. Она была идеальной для кого-то и одновременно странной и непонятой для других, для многих. Отсутствие вредных привычек и не просто отсутствие, а довольно давно и самостоятельно сформированная жизненная позиция, бесконечный оптимизм и любимое хобби делали Тарью не просто интересной и притягательной личностью, а такой, к которой хотелось тянуться, хотелось ей верить, быть хоть немного знакомым. И в тоже время странно и немного смешно видеть подростка, который порицал курение, разумеется, не пил, не курил. Странно, смешно, но

жизненно, и до чего иногда приятно. Ведь это не взрослый, который не верит твоим проблемам и лишь пытается «научить», а такой же, как ты, только с другими взглядами, и Тарья пыталась доказать всем, что таковая жизнь может быть и бывает счастливой, прекрасной. Её собственная была наглядным примером, если кто-то предпочитал не верить пустым словам.

- Хватит мешкать. – сказала ей «правильная», снова ощутив порыв холода.

- Тогда замолчи! – ещё одна фраза, сквозящая иронической болью. – Полюбишь – узнаешь.

- Только я, знаешь ли, не хочу... – в добавок ко всему вышесказанному Тарья не верила в любовь в юном возрасте. Не порицала совсем, но не редко откровенно смеялась, упрекая, вздыхая, что, мол, «скоро любовь увянет, и не останется ничего кроме одной прожигающей душу боли». Может, не верила в целом, она не любила говорить о любви.

На самом ли деле думала она так или стоила вид – неизвестно, но образ и имидж составила. Всегда весёлая, озорная и добрая, Тарья Тарен помогала всем, но только если те не высмеивали её воззрений. Заражала оптимизмом, угощала конфетами, чаем, не раз даже собственной выпечкой... Таких, как она, наверное, сложно найти! Но, отыскав однажды, нужно держать до конца, ведь только такой человек не предаст тебя в твоих бедах.

Возле школы снова толпились учащиеся. Бегали, кричали, говорили что-то друг другу. В прохладном воздухе громко звучали их голоса. До звонка ещё оставалось время.

Тарья увидела краем глаза, что Ибет направлялась к своей прежней компании. Та сидели на дальней скамейке, разумеется, все курили.

- Эй, ты куда? – позвала её. Нет, не слышит. Хотела сказать: «Дура! Неужто забыла, что было с тобой недавно? Тебе нельзя курить. Да и никому оно совершенно не нужно.»

- Най... Да, привет. – Ибет вяло пробормотала слова и передала мальчугану тетрадь. Кажется, ситуация прояснилась. – Прости, я забыла отдать. Спасибо за конспект. Он помог мне, и я... - дальше Тарья не слушала. Подошла неожиданно сзади, хотела «увести» Ибет. Но та её как не видела. Вероятно, ещё не проснулась. Холод путал мысли. Или она не до конца пришла в себя после приступа? Почему же тогда вчера согласилась впредь не курить и сама назвала эту кампанию «не самой лучшей?»

- На, держи, - парень протянул сигарету.

Ибет взяла, молча, не проронив ни звука. Не шолохнулась и точно замерла, оглядываясь по сторонам.

Найджел медленно достал ей и дал зажигалку.

- Имей ввиду, в следующий раз я у тебя попрошу.

- И мне дай! – вышла из «засады» Тарья.

- Тарен!? Ты-то чего тут забыла? – курильщики вяло уставились на девчонку.

- Решила попробовать?

- Ага! – тут же перехватила Ибет за руку. – Кстати забыла ей что-то сказать!.. Вы не против?

- Нет... мы...

Пребывая какое-то время в растерянности, коротышка Найджел смотрел на двух красавиц и улыбался своей глупой немного отрешенной улыбкой с кривыми желтоватыми зубами.

- На и тебе. Затянись. – протянул пачку. – Бери сама.

Тарья ловко выхватила несколько сразу. Её уже подташнивало от сладковатого запаха дыма, но виду она не подала и казалась непомерно весёлой. На её месте Сара вряд ли

смогла бы разыграть подобную сценку, и ей бы не поверили точно, а Тарья могла играть, отец ей не раз говорил.

- Во даешь! Затянулась?

- Уже! – голос золотоволосой сквозил иронией, но ни она, ни блестящие глаза не могли надоумить школьных дурачков, что она замыслила что-то коварное.

- Не обкуришь... - под конец, прошептал Найджел и махнул рукой, возможно, подумав, что девочки всё, как Ибет. – Пусть идёт.

- Что делала без меня? – теперь уже голос Тарьи в нескольких шагах от толпы.

- Ты так неожиданно...

- А ты снова с ними!

- Надо было отдать конспект... Это не то, что ты скорее всего подумала.

- Да, не то. Я рада за тебя, подружка. Но могла бы взять у меня! – Тарья ускорила шаг.

- Куда так торопишься?

- За угол школы. Нас не должны видеть!

- Боишься дурачков? Хочешь покурить там?

- Нет. Не курю, ты же знаешь.

- Но... - голос в растерянности.

- Но? Так надо. Идём же! Сколько можно звать и просить?!

Ибет пожала плечами и, по-прежнему сжимая горящую сигарету в руках, пошла следом.

- Чего ты хочешь? И зачем ты...

- Ага! – завернув за угол, подружка преобразилась. Весёлость оказалась маской. И к слову, теперь не нужной. Тарья кивнула, вскинула брови и отчего-то вдруг начала громко смеяться. – Да, именно по этой причине! - подняла вперёд руку с сигаретами, разжала кулак и выронила те на землю.

- Ах...

– А теперь ты так! И всё. – улыбнулась одними глазами. Кивком подтолкнула подругу. – Всё просто. Дали – взяла, но не приняла. Незачем делать то, от чего тебе плохо, тем более на потеху других?

- Да я ничего...

- Если бы меня там не было, спорю, опять курила!

- Они бы смеялись. И курят сейчас почти все.

- А ты засмейся в ответ!

- ...Ты, надеюсь, не пьёшь?

- Нет, это слишком...

Перемена подходила к концу. Короткий разговор так же подходил к своей кульминации. Ибет рассеянно улыбалась. Призналась, что плохо спала.

– Не переношу этот вкус. – продолжила девушка.

- И я... Славно. Не понимаю, что в этом хорошего.

- Таких, как ты, наверное, нет больше.

- Пусть даже так. – Тарен выражала явное равнодушие к «порочным» и «ошибочным» людям. – Это их выбор, но мы не должны оставаться всегда в стороне. Хотя бы говорить. Пару слов. Вдруг это поможет кому-нибудь? Вдруг это кого-то спасёт?..

- Таких, как я, например. - чуть слышно проговорила девочка. Косички смешно разлетелись в стороны.

- Пошли на урок.
- Иначе опять опоздаем.

10.

Дебра была самой прилежной в их классе. За это её все любили, но никогда не позволяли вольностей – немного боялись отца, который преподавал физкультуру, тот ещё мужик, очень шумный, сильный и строгий. Она так же увлекалась спортом и рисовала, и на этой почве когда-то подружилась с Сарой. А Сара в младших классах была даже влюбилась в учителя... Разумеется, тайно. Этого не знал никто, да и любви давно нет. Всё забылось. Всё было игрой.

Эта самая отличница, неказистая девчонка в вечно смешных очках и с длинными дредами, считалась заводилой, любила устраивать встречи во внеурочное время. Она хотела после школы пойти на какую-нибудь интересную работу и, как казалось, иногда бредила этим желанием, не желая становиться простым работником или идти по стопам родителя – в школу; а после узнала про Вету и желание той стать артисткой.

- Ты – в театр? Смеешься?

- Нет. – черноволосая стеснительно пожала плечами. – Я танцевать умею. Почти с детства занималась хореографией. Я надеюсь, что найдется роль... Тебе тоже. – должно быть, говоря это, она представила смешное выражение Дебры, её яркие платья и туфли на каблуках. – Ты будешь в главной роли. Мне кажется. Да, будешь, поверь. – застенчивость не позволяла выдавить даже лёгкой улыбки, и поэтому слова Веты звучали как-то бесцветно и грустно.

- Ты хоть сама в это веришь?

- Во что?

- Ты – и в театр?!

Черноволосая опустила глаза и вздохнула.

- Я просто мечтаю. Хотелось бы. Ты ведь тоже хочешь?

- Я – да.

Дебра рассчитывала, что с помощью одноклассницы познакомится с нужными ей людьми или хотя бы узнает о них.

- Ты ведь в коллективе каком-то занимаешься?

- Да.

- А в каком?

Вета ответила:

- В последнее время – в доме.

Но блондинка не поняла этих слов.

Не оказалось такой танцевальной группы. Не оказалось и друзей у Веты кроме Сары Райтлайт и Тарьи Тарен. Танцевала она сама, была, разумеется, самоучкой, и, если на то пошло, не так уж хорошо и умела. Дебра со своей сногшибательной внешностью была о себе гораздо лучшего мнения и, увидев бестолковые старания одноклассницы, едва не рассмеялась в лицо. Промолчала, пригласила куда-то, думала узнать что-то ещё. Про богатого отца Веты ей сообщил родитель. Тем более, что у Веты был брат, по возрасту такой же, как Дебра, но он учился где-то в другой школе, и сестра не любила об этом

рассказывать. Влюбиться бы? Неплохая идея. В голове была только выгода, а любовь – к чему?

Но Вета не пришла на вечер. Не ответила и на звонки. Она встретила её случайно на улице, рассеянная, расстроенная и отрешенная. Не отвечала на вопросы. Молча ушла домой. И Дебра подумала, что это издержки характера и о чём-то другом не могла тогда даже помыслить.

И никто не мог, Вета всех удивила.

...Она выглядела слишком уставшей, маленькие глазки без конца закрывались.

- Вета! Что с тобой?

Казалось, она спала.

- Что с тобой? – повторила девочка.

Покачала головой. Ещё больше склонилась на руки.

Девочка, с которой она сидела, обеспокоенно посмотрела на Тарью.

- Ты – её подруга, - сказала она, дождавшись, наконец, перемены, - можешь, расскажешь мне, что случилось?

- А что не так?

- Вета проспала контрольную.

- Ту, к которой готовились мы?! Нет, не верю.

Однако всё было так. Клара пожалала плечами и лишь усмехнулась.

- Подруга, а знать не знаешь, что происходит! Из-за тебя у меня будет плохая оценка.

- У тебя... из-за меня? Нет. – Тарья поджала губы и резко нахмурилась. – У тебя будет два из-за того, что ты ничего не учила. Вета не обязана учиться за вас двоих. И потом ты и она... - девушка смолкла, увидев на горизонте виновницу небольшой стычки. Тарья надеялась до последнего, что слова Клары – вранье. Клара часто обманывала. Но увиденное поставило последнюю точку. Вчерашняя жалоба исторички, недавнее недоумение Сары и Клары... теперь и она. Что-то здесь происходит. Что-то... - Вета! погоди! – она помчалась к лестнице. Черноволосая медленно спускалась вниз. Её отрешенный взгляд и безумно бледная кожа говорили, кричали о каком-то событии, стрессе. Но жаль, было не ясно, каком. – Вета, подожди! Ты слышишь?!

Их разделяло всего пару шагов, но Вета её не слышала. Остановилась. Нога наскочила на ногу, чуть не упала.

- Стой. – Тарья успела схватить её за локоть и с силой развернуть в свою сторону. Та поддалась и, опустив голову, не произнесла ни слова, ни подала никаких эмоций.

- Тара... - чуть слышно выдавила она.

- Да, это я. Всё нормально?

Вета тихо вздохнула.

- Нет, ничего, - вырвалась из внезапных «объятий» и медленно продолжила путь.

- Убедилась?! – смешок.

- Снова ты.

На лестнице кривлялась Клара.

- Видишь, какая она? Что, молчит?

- Это ты с ней сделала что-то! – едва не кипела Тарья.

- Я? Да ты что!

- Ну, не я же?

Впрочем, такая идея была очень даже возможной. Клара никогда не отличалась особой вежливостью, грубила преподавателям, часто обманывала, даже воровала когда-то. Совсем недавно умудрилась стащить огромную школьную тыкву, которую приготовили к Хэллоуину. Выдала её за свою. Отгуляла шумной компанией дома. А в школе был переполох и сорванный праздник. То, о чём мечтали многие, не состоялось. Все разошлись домой. Только потом выяснилось – Маркус из параллельного видел виновницу тех событий. Да только Клара ни в чём не призналась и не признается, она будет только врать.

...А всё было прозаично и просто. Был отец – и не стало. Матери не было с детства. Вета осталась одна, брат помогал ей, точнее пытался, он считался немного странным и не раз даже думал о смерти. Вета как могла отговаривала его. Не хватало такого подарка... Но случился и он. Не выдержал брат – перерезал горло ножом, однажды подаренным папой. Не оставил записки, не назвал причины, хотя всё было ясно и так. А ей даже нет восемнадцати...

Никому не сказала, скрыла, задавила и слёзы, и боль. Пыталась отвлечься, уйти с головой в учёбу, но какое там! Тишина страшная и звенящая преследовала и днём, и ночью. От неё болела голова, и в сердце таился страх. От неё хотелось сбежать, проснуться, забыться – чем угодно и без разницы, как, – но ничто не было в силах помочь и исправить сложившийся рок. Только время.

А тут ещё Дебра. И Клара. И историчка с контрольной. И какое-то там кино. Саре скучно, она часто сидит, смотрит фильмы, а ей не до них совсем, всё потеряло цвет, жизнь превратилась в мучение.

- ...Скажи, что происходит?
- Вам не обязательно знать.
- Но мы же твои подруги, мы же друзья. Почему ты...
- Мы видим, что что-то нет! – вставила Сара, смешная из-за своей новой шапки и тем не менее очень взволнованная.

Вета начала кивать головой и грустно оборвала все речи.

- Нет. Это моя боль...
- Чтобы исправить её, ты должна нам сказать. Ты ведь хочешь...
- Я бы отдала всё, чтобы забыть это и никогда не ведать такого.

Казалось, ещё миг, и черноволосая будет рыдать. Затуманившиеся глаза не видели лиц подруг, она слышала тогда только голос. Обеспокоенный, искренний, честный. Голос, а точнее голоса. Тарьи, Сары, своенравной, но также любимой нею Ибет. Больше у неё никого не осталось. Нельзя отталкивать их.

11.

Они сидели в доме у Веты, черноволосая глотала таблетки.

- Это уже шестая... - прошептала Сара. – Понятно, почему она спит.

Горячий травяной чай и задушевные разговоры переломили Вету. Она рассказала всё.

- И... Что теперь?
- Оформляют документы в детдоме? – на редкость без иронии проговорила Ибет.
- Нет. Без этого счастья. Пока буду одна здесь. А после уеду к тётке.

- Не оставайся одна в этом доме! - настойчиво попросила Тарья. – Впрочем, не мне объяснять.
- Он жуткий и слишком большой, и пустой. Последние дни мне без конца тут чудились тени...
- А когда это случилось? – спросила другая, стараясь не называть смерть этим словом, обходясь лишь одними намеками.
- Почти две недели назад.
- Так давно...
- Да уж, - театрально заохала Ибет, - хорошо ты сыграла! Мы бы и дальше не знали!
- Это ужасно, но может случиться со всеми. Никто не застрахован. Никто не сможет изменить или отсрочить...
- Самоубийство – можно. – одёрнула Вета.
- Да, это ясно, прости...

Тарья старалась быть как можно более мягкой, следила за каждым словом, думала перед тем, как сказать, чтобы Вета от сказанных слов почувствовала себя в безопасности или хотя бы на мгновение ощутила поддержку друзей, и ни в коем случае не усилила её одиночество.

Этот разговор продлился почти до вечера.

- Тебе не стоит сейчас ходить в школу.
- Идея отвлечься хорошая, но так ведь тоже непросто.
- Да, я пытаюсь, но только... ничего не выходит... - сказала, хрупкая фигурка Веты казалась совсем несчастной. – Когда я была помладше, я слышала про проблемы подросткового возраста, но не думала, что будет *так*.

На что Тарья отрезала:

- Ты не права совсем! Возраст тут не причем! Это – обстоятельства! Да! Никто не виноват. Они случаются рано или поздно со всеми. Наши родные и близкие покидают нас, но... мы не должны вести себя, как твой братец. Прости, но то, что совершил он...
- Он был не здоров и не в первый раз пробовал.
- Значит, это однажды случилось бы...

Вета кивнула.

- Рано или поздно, но да. Доктор говорил нам. Надо было следить...
- И это не возраст...
- Пятнадцать, - зачем-то уточнила сестра.
- Не возраст виноват, говорю, обстоятельства. Мне очень жаль! Так не должно случиться!..
- Боюсь я за Вету, так плохо произошло... - Тарья грустно всплеснула руками.

Подружки уже шли домой.

- А она ещё травит себя таблетками!
- Да... - Сара сказала, что за эти пару часов насчитала шесть или семь. - Мне даже кажется, у неё появилась зависимость.
- Вероятно.
- Мы должны ей помочь, иначе и она...
- Нет!
- А кто знает?..

Иногда от жизни следует ожидать всего и ничему никогда не удивляться.

Этой ночью Тарья никак не могла уснуть. Одеяло сползало и без конца падало на пол. Во рту был тот сладковатый чай. Из головы не выходила история Веты.

«Всё в жизни бывает по-разному, - думала она этой ночью, – кому-то везёт больше, кого-то преследуют неудачи. Кто-то имеет счастливое детство, кто-то обретает счастье лишь с возрастом... Выслушав всё, я узнала многое, чего не знала ранее. Вета молчала. Вот какими, значит, бывают люди. О горе проще молчать, но держать его в себе – ужасно! Лучше сказать, выговориться, и потом!..»

Переоценка ценностей – дело сложное. Но, выслушав подобный рассказ, начинаешь думать о себе, невольно сравнивать, невольно фантазировать ситуации. Это было бы ужасно, случись такое у меня. Что бы я делала? Как жила после? Лучше не думать, но если... Я сама сказала, что от смерти не застрахован никто. Никто. Это, к сожалению, правда.

Сравнивая, понимаю, что мне повезло во многом, хотя тоже были, разумеется, свои трудности. Стоит вспомнить... - и перед глазами Тарьи оживали забытые дни. Новая школа. Насмешки. Непонимание. – Мне было тяжело и противно одновременно выслушивать сопливые слова о любви: клятвы, а после предательства. Не любовь это в тринадцать лет. И в четырнадцать. И иногда даже в двадцать. Многие молодые люди, а особенно подростки и юноши, стремятся «перепробовать» многое и только от того не держат каких-то там «клятв!»

Ей так же не нравилась современная мода, подростковая эгоистичность, отсутствие бескорыстной тяги к творчеству, ветреность, изменчивость, непостоянность. «Это же всегда к худшему. Дело надо любить, лелеять годами, бороться... Конечно же, проще всего бросить и начать что-то новое. Чтобы и его потом бросить. Когда-нибудь. При первой серьёзной встряске.

Это всё так же грустно, вызывает обиды, боль, слёзы. Но в этом виновно общество, не возраст и не сам человек. Многие не понимают, но, видимо, и не поймут. У большинства в голове только выгода, похоть и прочее зло. Не люблю я таких людей, ни за что не хочу становиться похожей. Лучше пусть, как говорила Ибет, одна, одна я такая, но зато я – та, кто я есть! Я хочу, чтобы люди были такими.

Каждый со своими печальями, болью и своими проблемами. У кого-то они наиграны и не стоят одного дня, у кого-то точно у Веты... И каждому в одинаковой мере обидно, тяжело, очень больно. И каждый пытается сделать то, что могло бы облегчить страдания...»

Девушка очнулась рано – мысли, кружившие в её голове, толком не давали уснуть. Казалось, они даже снились. Ночи как не бывало. Хотелось только думать, думать и вновь... Всё это подтолкнуло её вытащить из походной сумки дневник и сделать несколько записей.

«Почему-то, - замерла на полуслове Тарья, - многие считают, что дело в возрасте. Но ведь это не так. Практически любая ситуация, или, если угодно кому, проблема, может возникнуть в любые лета: и до подросткового периода и во время него, и, разумеется, после; непонимание из-за разницы людских взглядов, мнений, интересов; потеря родных, любимых, близких – от самого рождения и дальше по мере жизни; в любовной теме так же не всё легко – большая часть тех, кто якобы кого-то любит, на самом деле обманывать – ввиду каких-либо причин; людям вообще врать естественно, ведь они упёрто считают, что никому и ничего не обязаны, а потом тем не менее обижаются.

Подростковый период – лишь возраст и ничего более, ты празднуешь 12, 13, 14, 15, 16 лет – свечка на торте меняется, а больше ничего, ни-че-го. Вся пресловутая и заманчивая свобода не появляется вмиг по достижению какого-то возраста. Она либо есть сразу, либо не появляется никогда. Моей двоюродной сестре 19, и она до сих пор живёт в семье с родителями. Она ни от кого не уехала и, честно говоря, и не думает. Не обязана же она бросать всё, влюбляться лишь бы влюбиться и уехать с этим кем-то неизвестно куда? Или даже родить в 15. Нет, нет, нет и ещё раз нет. Но я не могу понять, почему многие считают как-то иначе?

Люди любят выдумывать себе несущественные ситуации, раздувать их, придираются по мелочам, а особенно подростки: злые, жестокие, эгоистичные, они, кажется, согласны на всё, лишь бы только выделиться из толпы таких же, как они все, не думая о последствиях, не думая вообще ни о чём... Они выдумывают, хвастаются, завидуют друг другу, лишь бы кому-нибудь да завидовать, гонятся за несущественными мечтами; они насильно втягивают других в «отношения», этим обычным словом называя свою распущенность.

Меня тошнит от отношений в таком возрасте, ведь это ещё не любовь. Переспать в 15 с мальчишкой – глупо и для того, кто предложил, и для того, кто согласился. Любовь не может, не должна сводиться лишь к этому! Любовь – это нечто другое, лучшее! Как жаль, я говорю в пустоту... Этот дневник не будет никогда прочитан. А те единицы читателей, если всё же предположить, что они есть; возможно и скорее всего возненавидели бы меня за строки, смеялись и, спорю, пытались бы сейчас съязвить. К сожалению, я говорю не просто так, все мысли – не просто слова. Я не глупа и вижу поведение сверстников, и мне не нравится это, я считаю, должно быть не так.

Отчего ни один из них, или во всяком случае из тех, кого я видела; не видит ту же ночь другой: что можно, прижавшись друг к другу, спать на влажной листве, на траве, в палатке, чтобы не замёрзнуть от холода, - а не ради звериных страстей.

Любовь... У меня с ней строгие счёты. Уверена, и у вас бы стали такими, если бы вы на моём месте или вместе со мной прошли через 7-8-9 классы, это только сейчас, к 11-у, школьники понемногу умолкли, а тогда, умоляю, поверьте слову, они говорили только о «страсти любви...»

Не ради этого дана нам короткая жизнь, а ради познаний, увлечений и дел. Юность – это вечное лето. Мы должны радоваться миру, благодарить его, не отвергать; не кончать с собой из-за глупой любви, не прыгать с высотных зданий. Как надоело мне слышать про этих всех слабаков! Они думают, что никто не понимает их, а это они не пытаются понять, прислушаться; они ставят во главе всего какие-то мелочи, а это уже абсурдно; за кривую фигуру морят голодом или опять же лезут смело в петлю, но кроме красоты и форм существуют другие ценности! Жизнь нам дана для другого! Я презираю смерть, которую сотворила любовь, и, соответственно, тех, кто думает в 15 о сексе.

Мне надоели жалобы про ненавистную учёбу, работу. Никто не просит вас становиться учителем, если душа лежит к чему-то другому. Надо думать, что с этим жить после вам, вам, а не кому-то другому! Принуждают? А вы проявите смелость, скажите: «Нет», ведь профессий так много на свете! Люди как будто бы безответственны. И самые безответственные – подростки. Не раз слышала я, что они, во всяком случае многие; предпочитают учиться по несколько раз, тратя время и деньги родителей, тратя их на «ерунду». Почему? Не могут найти себя...

Если бы мы больше думали о том, что в первую очередь должны быть счастливы, мы бы были тогда... Счастье стало недостижимым и едва ли не волшебным призраком. Но чаще всего под ним скрываются одни пороки...»

Она думала ещё и ещё, строчки ложились одна за одной под быстрым движением ручки. Полёт дум был так велик, так захватывающ, что Тарья увлеклась и чуть не забыла о школе. Она даже взяла драгоценный дневник с собой, но прерванное рассуждение больше не могло к ней вернуться. Ум переключился на утомительные и не слишком интересные для неё уроки, а взгляд встретился с теми, с кем она говорила вчера.

При первом же разговоре с Сарой выяснилось, она так же не сумела уснуть и до сих пор пребывала в немалом шоке. Сара, которая всегда чем-то смущена, от чего-то всегда весёлая, грусть не шла к её лицу, не красила больших светлых глаз.

- Из-за...

Она кивнула.

- Конечно.

Они поняли друг друга без слов, ведь это и было понятно.

...И с тех пор почти каждый день перед тем, как прийти домой, Тарья ненадолго забегала к Вете. Заходила проведать её, проносила небольшой букетик из трав или листьев, в последнее время их стало находить всё сложнее, но Тарья знала места; вместе делали некоторые задания к школе.

- Положи здесь. – сказала черноволосая, перенимая из рук подруги маленький уютный букетик.

- Где?

Вета кивнула на стол, и только тут на виду показалась фотография. Вета, её брат и отец. Рамка стояла на столе, обтрёпанная и уже пожелтевшая. Цветы были в самый раз.

- Это где вы? – спросила Тарья, указывая на непонятный пейзаж.

- Ты хочешь сказать, что поблизости не знаешь такого?

- Да. То есть нет, не знаю, не видела.

- Так это в Норвегии... Ничему удивляться.

- Почему вы уехали?

- Моя мама... - начала тут же ответ. По скорбной интонации Тарья поняла, что дальше лучше не спрашивать.

- Я не знала.

- Не вини себя. Столько лет... Я уже и не помню севера. Помню только рассказы отца. Говорит, - как если бы он был сейчас рядом, -там было красиво. Я ему верю. Я верила...

И златовласка меняла тематику разговора, пыталась отвлечь и увлечь чем-нибудь, а Вета незаметно для самой себя постепенно начинала улыбаться и лишь повторяла без конца одно: «Спасибо, что находишься рядом...»

Она хлопала её по плечу и шептала, уходя: «Держись.» Цветы и листья, такой незначительный, но в тоже время приятный подарок от Тарьи, говорил: «Нет, ты не одна! Не думай!» И Вета пыталась держаться. Изо всех сил, но, конечно же, с трудом сдерживала свои эмоции.

Тарья не редко любовалась природой одна – сидела перед своим домом, смотрела в осеннюю даль. Она много думала и, по правде сказать, любила думать, размышлять над тем, что было, что будет и что, возможно, случится, придумывать. Почему-то случалось так, что она, действительно, всегда выделялась среди многих: она всем помогала, а ей редко могли помочь.

Такие грустные моменты навечно хранились в памяти – никак не могли забыться. Вы спросите, наверное, почему она была такой доброй? А причина вся кроется в прошлом. Причина многих поступков, хороших и плохих, прячется в нашем прошлом. Вряд ли есть исключения.

Тогда ей было не много – восемь или девять лет. И соседские мальчишки без конца дёргали за косы и обижали. Ребячество, да, но обидно. Однажды даже заперли во время игры на даче, и целую ночь она просидела фактически на осенней улице... Но пришёл отец и поддержал её, и наказал тех. И с тех пор она поддерживала всех, кому была необходима поддержка.

«Не подумайте, что у меня совсем нет проблем. – мысленно рассуждала девушка. – Они есть у каждого. Возможно, это даже нормально. Мир ведь не идеален, а с миром – неидеальна и жизнь. Просто у всех они разные, Вам, возможно, не понять моих, а мне – Ваших. Да и к чему афишировать? Говорить о таком нужно только в последний момент, когда кроме незнакомцев и их неожиданной поддержки больше надеяться не на кого. А просто так, чтобы пожаловаться, чтобы тебя пожалели, зачем? Ведь не поймут, осмеют, сделают ещё хуже! Это никогда никого не украсит, наоборот только портит мнение. И о тебе, и о том, кто «попытался» помочь...»

Она смотрела на проходящих мимо девчонок и мальчишек, сверстников, в этот день занятия сокращены, их отпустили раньше, но она вопреки всему провела этот день с Ветой и она была с ней, до тех пор, пока не надумала возвращаться; оставалось время посидеть в тишине, подышать свежим и вкусным воздухом.

«Ввиду этого, - продолжала свой монолог, - мне понравился поступок Веты. Я не осуждаю её, хотя сама бы точно поступила иначе. Я бы... Но хватит печальных мыслей! Проблемы и трагедии – это разные вещи. Разные, порою несовместимые... Как смешно слышать про «трагедию», полученную после какой-то двойки... Многие не знают, что это на самом деле...»

Последние листья падали с высоких ветвей. Какой-то парень с рюкзаком через одно плечо явно направлялся к Тарье. Сначала он, точно нарочно, вышел к её небольшому уютному домику, после стал бродить по сторонам, после сел. Их разделяло всего несколько метров. Из-за молчания парня не ясно было его мотивов. Он просто сидел, а потом так же быстро встал и просто ушёл, но вернёмся назад, он сидел и долго листал учебник.

В это самое время какая-то запоздалая бабочка пролетала мимо них, закружила, взвилась над Тарьей, села ей сзади на шапку. Парень следил за ней и за златовласой, не отрывая своих огромных и серых глаз. А после уловил движение девушки, её непонимание, протянул руку. Общение было сухим и коротким. Она пребывала в задумчивости. Он боялся сказать что-то лишнее. Представился новым одноклассником, приехавшим из другой школы с окраин города, сказал, что хотел бы с ней познакомиться. Собственно, вот и всё.

Бабочка, сидевшая на вязаной шапочке, внезапно дёрнулась, дернулась и голова Тарьи, девушка невнятно пробормотала ответ, убрала с глаз долой дневник, уловила перед

собой красные крылья. Мгновение – и любопытное насекомое уже сидело у неё на носу, разглядывало большие зрачки. Тарья махнула рукой, и бабочка тотчас улетела. Она забыла это, но не забыл он. И с тех самых пор всегда представлял её осенью – златовласой, пушистой, королевой в оранжевой курточке, с бабочкой на горбатом носу.

Парень ушёл, она осталась одна и продолжила думать, мечтать. Руки сами собой теребили кончик длинного тёплого шарфа. Ей по-прежнему вспоминалось детство и недалёкие годы, точно вчера, пролетевшие у неё перед носом, как та самая внезапная осенняя бабочка. Вспомнилась боль, предавшая её подруга. Тогда ссора произошла из-за ерунды, и Тарья была не виновата. Девчонка осталась при своём мнении и не хотела слушать её, и именно с тех пор златовласка не хотела дружить со всеми. Но, как говорилось уже не раз, дружила, и вы скажете, что дружила, да, только это не она тянулась ко всем, а к ней люди, сама она людей чуть побаивалась, держалась только небольшой группки в лице уже известных подруг.

Вспоминалось бунтарство. Лето. Шашлыки. Первый горный поход. Как сильно за это кричал отец и мать – никто не понимал её, приходилось скрывать свои чувства. Помог ей тогда дневник, и помогает уже четвертый год. Всплески настроения Тарья так же не показывала при всех, разве только говорила о них с друзьями по переписке, потому что никто не поймёт, спишет на гормоны и только, но не разберётся в причине, всегда так. А как бы хотелось ей, чтобы рядом был такой человек! Но увы. Таких мало. Такой стала она – для других.

Когда он пришёл в новую школу, всё было чужим, незнакомым и в то же время однообразным, приевшимся. Очкарика, а парень носил очки, тут же заклеили незрячим и стали отпускать шутки на этот счёт. К нему подошла тогда, помнится, девушка, девушка с рыжими волосами, высоким лбом и приятной улыбкой.

- Я – Сара. – сказала она. – Ты новенький?

- Да.

- Я полагаю, влиться будет непросто. Сам понимаешь, последний класс...

- Я приехал сюда учиться, а не общаться с этими... - у него не было сил сказать дураками, но это желания явственно читалось на лице и в глазах.

- Будь здесь моя подруга, - уверенно проговорила Сара и сама, наверное, удивилась своей уверенности, - она помогла бы тебе стать таким, будто ты учился с нами все годы. К сожалению, сегодня она не в школе. – И рыжая рассказала про Вету, которая осталась одна, и Тарью, которая её поддерживает.

Образ бойкой и оптимистичной девчонки тут же возник в мозгу, и толи умело так были сказаны слова Сары, то ли он, ни разу ещё не любивший, наконец, испытал любовь, но в тот же момент, после этого недлинного и не короткого рассказа, он уже жаждал поглазеть на ту, о ком рассказала новая подруга Сара. И он помчался к указанному дому, точно случайно остановился невдалеке, притаился, начал затем наблюдать. И образ красивой девушки, который создало сознание, подтвердился едва ли не полностью. Это была та самая Тарья Тарен, и он ввиду своей пылкости, неопытности и растерянности не смог скрыть от неё свою адресованную ей одной улыбку.

- Ты – колдунья счастья, знаешь это? Как ты могла? – Вета выглядела взбодрившейся, печаль на её лице не читалась.

А колдунья только пожала плечами.

- Большая уже.
- Сколько сегодня?
- Шестнадцать.

Золотые глаза в упор уставились на огоньки. Они уже предвкушали тот необычный вкус, которым скорее всего обладало желанное лакомство.

- Как тебе? – поинтересовалась мама, это была самая обычная женщина. И папа был точно таким. Ничто не предвещало в них такой удивительной дочери.

Все девочки разом и наперебой закричали, что им понравилось.

- Ореховый торт. Я испекла его по особому рецепту...
- Специально для тебя! – подтолкнула в бок Вета.
- Да, я знаю. Спасибо...

Немногая кампания, которая собралась в тот день: Сара, Вета, Ибет и несколько девчонок-соседок; каждый из них подарил ей что-то особенное, счастье и маленькое солнышко, которое разожгло настроение, из-за него она стала ещё более яркой, лучистой, свободной. Тарья ценила это и была благодарна каждому. Она умела ценить добро.

Подобное происходило не раз – на немного неудавшемся в этом году Хэллоуине и на прошлом весеннем мероприятии, сегодня и всегда-всегда, когда она была окружена подругами. Ведь с ними всегда хорошо, одиночество – в противовес – губительно.

13.

У неё был с горбинкой нос и резко обрезанные на середине спины каштановые густые волосы. Карие большие глаза, маленькие аккуратные руки со срезанными всегда ногтями. Она называлась за глаза волшебницей и могла рассмешить любого, а ещё она обожала лето.

Вот и всё, что знал о ней он, так мало, а хотелось бы узнать всё, наверное. Узнать её, понять, открыть. Но она так далека, так недоступна. Он пытался привлечь внимание девушки – она улыбалась в ответ, но она всем улыбалась – это не показатель. Тарья просто нравилась себе самой и ей навилась жизнь, жизнь в целом. Поэтому она улыбалась. Почти всегда, не смотря на внешние, возможно, не модельные черты: улыбка проступала среди моря веснушек, солнце кидало тень на худые щеки, белые ресницы часто сливались с кожей, которая была белая и бледная, как у вампира, а на горбатом носу нередко сидели бабочки. Может быть, всего один раз, но именно в тот, когда он её запомнил.

Об этом самом носе девушка думала как-то раз, что похожа на горячо любимого актёра Рикмана, а не на пресловутую ведьму, притом, что в «колдовстве» у неё тоже были познания или, лучше сказать, черты: рыжие от летнего солнца волосы, умение разгонять тоску, и вообще внешность, которая не менялась с годами. О том, что она уже не девчонка говорили только глаза, весёлые, красивые и всегда рассудительные. Из-за них она выглядела моложе свои лет, на тему чего так же не раз смеялась и вспоминала опять вампиров.

У неё был период, когда она перечитала про них всё, что нашла. Про них, ведьм и разных таинственных призраков. Тарья даже, если не ошибаюсь, верила всем этим историям и так же верила в магию. Она хотела, чтобы та вошла в её жизнь. И, возможно, одним этим желанием изменила что-то в себе. Когда была счастлива, она думала: «Я не имею права надеяться, но я надеюсь. Я искренне хочу, чтобы ждало меня впереди только светлое!»

И она, как говорилось уже не раз, была очень радостным, светлым человеком, открытым, оптимистичным, заразительным и, если можно сказать, бесценным. Бесценным из-за того, что была незаменимой в компании. Была её душой, сердцем и всем прочим, с чем обычно сравнивают таких людей.

...Когда-то её бросил парень, нет уверенности, что это всё правда, возможно, слова выдали ещё одну поучительную сказочку, но, если правда, у Тарьи когда-то был парень, некоторое время назад, никто не о нём не знал и не видел. И, когда он бросил её, она не пролила ни слезинки, назвав его просто мальчишкой, случайно ступившим на дорогу её одинокой жизни. Тем самым не делала из расставания трагедии, хотя в душе, скорее всего, переживала. Просто жила спокойно, находила во всём светлые радости и вам всем желала того же – всегда.

Они вроде бы познакомились, но она была холодна, так как знала, чего он хочет. Якобы знала, думала. А он оказался тем самым. Только вот на приглашение погулять, разумеется, отвечала отказом. Она просто была не так глупа, чтобы начинать какие-то там «отношения» и поэтому предпочитала сначала понять человека, и только потом, если захочется, впускать его в свою жизнь. Что сказала? Якобы «жарко сегодня», якобы она не переносит такую погоду и вообще, что она – вампир. Да уж, шуткам Тарья не изменяла и, как казалось, могла шутить без конца. Он обижался. Она не видела правды, как-то не удивительно для подростков. Вспоминала про море, какой-то малиновый пирог или пудинг, про подсолнечное поле, про то, что она хочет научиться рисованию; о чём угодно говорила она без умолку, но только не с ним, не о нём. Парень потерял все надежды, а после узнал, что она – единственный ребёнок в семье и даже про себя назвал Тарью Тарен эгоисткой.

Близились лето. Солнце растопило душу снежной красавицы, одежда снова сменилась яркими красками, и она точно воспряла духом. По сути была всё той же счастливой девочкой, на которую без конца вешали проблемы подруги, но только, нет, не такой, что-то в ней изменилось.

Это случилось тогда, когда «неприятная» ситуация затронула, наконец, саму Тарью. Злая воля решила, что счастьем должен прийти конец и сделала то, чего больше всего боялась златокудрая девушка. Точно таинственные силы вторглись в её тихую спокойную жизнь, точно стрела, выпущенная эфирным божеством, коснулась её холодного сердца, точно сама природа благоволила встрече двух непохожих и незнакомых людей... Однажды Тарья влюбилась.

Она металась по дому, в мыслях царил только ветер. Не могла ни на чём сосредоточиться, не могла начать готовиться и сделать, наконец-то, уроки. Приходилось подолгу успокаивать себя и заставлять, почти всегда через силу.

Она ловила себя на мысли, неужели это конец? Неужели теперь она будет такая? Стоит сказать: как все? И том, что ей так не нравится. «Это не мои мысли. Не моё состояние. Это как наваждение, и я хочу снова стать той, кем была!»

Осенних листьев больше не было в её доме, на подоконнике – букет из любимых ромашек и других полевых цветов. Как говорится, весна же. Всё тот же аромат. Те же лепестки. Тот же цвет. Но что-то как будто иное. Нет того блаженства и лёгкости, в мыслях опять только один человек.

Не помог чай, даже сладкий, с любимыми наполнителями. Она всё равно упорно вспоминала утро: встречу с мальчишками из параллельного класса и особенно одного, Алекса. Тарья не верила, что могла всего лишь взять и влюбиться. Это не вязалось с её

натурой. Её представлениями. Не значилось в планах на лето, которое вот-вот было должно наступить. Возможно, максимализм.

«Тут экзамены на носу, а я!.. Всё навалилось мгновенно: и школа, и нервы, и парень. Это не проблемы, но обстоятельства, от которых просто так не сбежишь, не закроешь на них глаза и не сбежишь. Легко закрыть глаза лишь тогда, когда это коснулось другого. Но тут-то, тут всё по-другому!» Тарья пыталась взять себя в руки и осмыслить случившееся, вспоминать, как поступала она, когда подруги говорили о чём-то похожем. Она взглянула в зеркало на своё встревоженное, на всё также бледное, но заметно повеселевшее лицо, которое снова покрылось большими веснушками. Раньше она любила их и не обращала внимания, а теперь даже пятнышки вызывали какую-то грусть и уныние.

«Надо успокоиться. Пережить. Это пройдёт. Всё проходит и всё забывается. Но случится ли так *сейчас*?..

Любовь, как известно, нередко до первой постели. Потому что нет у столь юных настоящих и искренних чувств. Нет осознания, опыта. Говорят, да, но и только. И пусть это просто слова, это слова некрасивые. Я так не хочу. Поэтому отвергаю. Да. – наконец, призналась сама себе Тарья, поняв, в чём кроется дело. – А, наверное, не надо отталкивать?»

- Что же теперь ты будешь делать? – обеспокоенно проговорила Сара, единственная, кто был ближе всех к Тарье, её, как нередко говорила та, любимая преданная подруга. – Чем помочь тебе, я не знаю. Обычно всем помогала ты. А теперь...

- Я... - зловоласка задумалась и засмеялась.

Из неё приходилось вытягивать едва ли не каждое слово, но все же иногда она вспоминала себя прежнюю и снова говорила без умолку. Обычно бойкая и быстрая речь исчезла почти мгновенно, и из-за этого та превратилась в взволнованную молчунью.

- Да, ты. – подбодрила Сара. – Что *ты* будешь делать? Мне просто интересно посмотреть на реакцию и...

- А я, - после недолгой паузы опять начинала Тара, а после смотрела в глаза и сказала, - как будто есть выбор; остается только одно – снова радоваться!

- А если бросит? Что будет тогда?..

- Как и говорила я – не создавать из пустого трагедии. Зачем предаваться унынию, убиваться, искать неизвестно что, зачем, скажи, Сара? Зачем это всё, когда перед нами открыт почти весь, весь мир!.. И это как минимум. Да. Ты только вдумайся, Сара! Мы не обязаны быть грустными. Мы сами творим свою жизнь. И она должна, должна быть только светлой!